Н. В. ГРИЦЕНКО
Российская Федерация, г. Таганрог

ПАРАМЕТР ВРЕМЕНИ В ИСТОРИЧЕСКОМ ИССЛЕДОВАНИИ

Процесс и время являются весьма значимыми понятиями в области философии истории, но если анализ конструирования исторического процесса находит должное отражение в современной литературе, то категории времени в этом контексте уделяется недостаточное внимание. Между тем такие фундаментальные понятия, как процесс и время, не могут рассматриваться изолированно, вне их концептуальной связи.

В рамках позитивистской философской традиции Витгенштейн, например, строит свой «мир» – мир «Трактата», представляющий «совокупность фактов» в «логическом пространстве», причем факты редуцируются к «простым» атомарным объектам. Философ отказывает объектам в «автономии» (они рассматриваются только в «пространстве возможных событий»), а в качестве формы объектов выделяет пространство, время, цвет. Конструируя действительность через конъюнкцию противоречащих элементов, он заранее предполагает ее темпоральную природу.

Систематизируя философские интенции Витгенштейна, Б. Рассел и Г. фон Вригт также определяют темпоральную природу изменяющейся исторической действительности связывая понятие «исторического изменения» с историческим временем, вне которого любое изменение попадает в «тупик противоречия». Время представляется некоторой особой природой, внутри которой и происходят процессы. Это – динамика и бесконечное становление. Но возникает «вечный вопрос» о возможности описания бытия самого времени.

Опыт исторического исследования неизбежно кодируется временем. Исследуя небытие прошлого, субъект постоянно «теряет» бытие настоящего, приобретая бытие бу-

дущего. В истории можно выделить две исходные временные структуры: отношения и свойства. Временные отношения являются хронотопом, они не требуют отнесенности к настоящему и могут быть представлены через выражения «раньше» и «позже». Эти отношения упорядочивают ход событий, определяют «хрономесто» какого-либо из них по отношению к любому другому, т. е. если одно из них принадлежит моменту t_1 , а другое моменту t_2 , при условии, что $t_1 > t_2$, то мы говорим, что событие момента t_1 произошло «раньше» события t_2 , и наоборот.

Временные отношения в истории предполагают также синхронность и параллельность событий. В этом случае исследователь сталкивается с отношением одновременности между пространственно разделенными событиями, которые выпадают из области действия выражений «раньше» и «позже». Но как в этом случае возможно описать эту одновременность?

Если мы предполагаем сильную, абсолютно синхронную одновременность (что в истории имеет место довольно редко), то о таких событиях говорят, что либо они произошли одновременно в прошлом, либо происходят одновременно «теперь». В этом случае совершается переход к прошлому, настоящему, будущему. Переход (в отличие от исторического хронотопа) осуществляется через момент «теперь». Указанные темпоральные характеристики являются генерализирующими, т. к. сохраняют отношение «раньше – позже». История теперь представляется «стрелой времени» с постоянно движущимся индикатором «теперь». Таким образом, темпоральное конструирование или

моделирование исторического процесса, его становление зависят от статуса, выражаемого наречием атрибута «теперь», который для исторического исследования представляется аналогом известного «затруднения Августина».

Выходом из известных любому исследователю затруднений может служить отвлечение, абстрагированное от бесконечного исторического становления, и создание условий для статически-фрагментного исторического анализа. Очевидно, что для подобного перехода необходимы определенные методологические основания. Поэтому целесообразно исследовать не само время, а контекст его описания. В качестве последнего можно рассмотреть исторический процесс как цепь темпорально согласованных событий.

При подобном исследовании неизбежно сталкиваешься с достаточно известным «парадоксом Мактаггарта». Мактаггарт предлагает построение двух временных рядов: настоящее, прошлое, будущее (А-ряд) и «раньше – позже» (В-ряд). Только А-ряд способен отображать изменения, он приписывает различным процессам свойства «настоящего», «прошлого», «будущего». В-ряд эксплицирует отношения между событиями. Подобная ситуация вынуждает различать категории «событие» и «процесс».

Ошибка Мактаггарта состоит в том, что он полагает события и их характеристики изменяющимися, в то время как на самом деле изменяются вещи, а события случаются или происходят, т. е. сами являются изменениями.

События с позиции темпоральности представляют собой форму изменения вещей, поэтому событие и изменение отождествляются.

Споры представителей статической и динамической концепций времени о соотношении А и В рядов и в связи с этим о сущности эпифеноменов прошлого, настоящего и будущего представляют интерес для исторического исследования.

Так, представители статической концепции устанавливают прямую зависимость становления событий от сознания исследователя, лишая их «объективного» протекания. Подобное утверждение не просто субъективизирует историческое исследование, но и указывает на отсутствие онтологических различий между событиями прошлого и будущего (так как и первые, и вторые в актуальный момент не существуют). Не принимая логическую асимметрию между прошлым и будущим и отвергая онтологические различия между событиями, имеющими место в различное время, представители В-теории счита-

ют, что все события, включающиеся в историю, одинаково реальны и определены и (поэтому) могут быть полностью описаны вневременными высказываниями.

Но в этом случае и субъект как источник подобных суждений (автор), несомненно, должен занимать особую, «вневременную» позицию в историческом бытии (такая позиция с точки зрения динамической концепции есть момент «теперь»). Подобная концепция дополняется и уточняется в динамической модели времени, в которой становление считается объективно существующим, а временные отношения – фундаментальными и не сводимыми ни к каким другим. Момент «теперь» является в этой модели необходимым условием актуализации сознания исследователя.

С точки зрения исторического исследования обе концепции, дополняя друг друга, предполагают построение языка, способного адекватно отражать события, существующие во времени.